

Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2017

Ростов
2018

Когда родился князь Константин Всеволодович Ростовский?

К. А. Аверьянов

Лаврентьевская летопись о рождении князя Константина Всеволодовича сообщает под 1186 г.: «В то же лето, того же месяца мая въ 18 день, на память святого мученика Потапья, в субботу, родися сын у великаго князя Всеволода; и нарекоша имя ему в святомъ крещении Костянтин»¹.

Насколько достоверна эта дата? Причиной для сомнений стало то, что 18 мая приходилось на субботу не в указанном году, а годом ранее — в 1185 г. На основании этого известный историк хронологии русского летописания Н. Г. Бережков датировал рождение Константина именно 1185 г.²

Данный факт можно было бы считать простой опиской летописца, если бы не одно обстоятельство. При изучении древнерусских летописей исследователи сравнительно рано заметили, что датировка одних и тех же событий в разных летописных сводах может отличаться на один — два года. Это особенно характерно для двух наиболее ранних летописей: Лаврентьевской и Ипатьевской. В начале XX в. математик и специалист в области хронологии Н. В. Степанов (1857—1914) предположил, что указанные расхождения в датировках — не ошибки, а следствие использования двух различных календарных стилей. Дело в том, что если византийский календарь отсчитывал год с 1 сентября, то на Руси даже после принятия христианства сохранялось существовавшее еще в пору язычества начало года с марта.

Приблизительно с XIV в. на Руси происходит постепенный переход с мартовского счисления на сентябрьское, просуществовавшее вплоть до эпохи Петра I. Именно от этого времени до нас дошли древнейшие летописные своды. Как известно, Лаврентьевская летопись сохранилась в списке последней четверти XIV в., Ипатьевская датируется концом 1420-х гг. При их создании летописцы, несомненно, должны были учитывать переход с одного календарного стиля на другой. Но в целом ряде случаев это было сделано не без ошибок.

При этом при переводе дат на другой календарный стиль возможны только два варианта: мартовский год по отношению к сентябрьскому с тем же порядковым номером может начинаться или на полгода позже сентябрьского, или на полгода раньше. Поэтому Н. В. Степанов предложил

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 396—397.

² *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 82—83.

мартовский год, начинающийся на полгода позже сентябрьского, назвать мартовским, а тот который начинался на полгода раньше сентябрьского — ультрамартовским (от лат. *ultra* — по ту сторону).

Позднее эту тематику развил Н. Г. Бережков (1886—1956), предпринявший попытку научного обоснования датировок событий, упоминающихся в летописях. В работе «Хронология русского летописания» им были проанализированы Лаврентьевская, Ипатьевская и Первая Новгородская летописи, на основе чего он дал хронологическую «привязку» всех упоминаемых в них событий. Изданная посмертно книга Н. Г. Бережкова достаточно быстро получила признание большинства исследователей Древней Руси.

Н. Г. Бережков, считая, что Константин родился не в 1186 г., как утверждает Лаврентьевская летопись, а в 1185 г., объяснял это тем, что в Лаврентьевской летописи статья 6694 года является ультрамартовской.

Данный вывод историка, казалось бы, подтверждается фактами. Перед известием о рождении Константина Лаврентьевская летопись помещает сообщение о солнечном затмении в среду 1 мая, а после содержит рассказ о знаменитом походе князя Игоря Святославича на половцев³. Эти два известия нашли отражение в Ипатьевской летописи. В отличие от Лаврентьевской, она датирует эти события 1185 г.⁴

Кто же из летописцев прав? В свое время астрономы выяснили, что полное солнечное затмение, наблюдавшееся в Европе, произошло именно 1 мая 1185 г. Это подтверждает и «Слово о полку Игореве», рассказывающее, что это небесное явление видела и дружина князя Игоря. Помещенное между этими двумя событиями известие о рождении Константина также, видимо, должно быть отнесено к 1185 г., поскольку сочетание дня недели и числа месяца (суббота 18 мая) было характерно только для 1185 г.

Значит ли это, что все события, изложенные в Лаврентьевской летописи в статье под 6694 г., должны датироваться 1185 г.? Более того, некоторые обстоятельства заставляют поставить вопрос шире — какой из летописных сводов дает правильную хронологию?

События семейной жизни Всеволода Большое Гнездо отразились не только в Лаврентьевской, но и в Ипатьевской летописи. При этом нельзя не заметить, что одни и те же события они датируют по-разному. Скажем, известия о свадьбе дочери Всеволода — Верхуславы и рождении другого сына Всеволода — Юрия Лаврентьевская летопись датирует 1189 г., а Ипатьевская — 1187 г. Аналогичный временной сдвиг видим и в известиях о рождении еще одного сына Всеволода — Владимира (Лаврентьевская летопись — 1194 г., Ипатьевская — 1192 г.).

Общие правила источниковедения рекомендуют выяснить — какое из этих сообщений первично? Сделаем это на примере известий Лаврентьевской и Ипатьевской летописей о рождении Владимира. Первая сообщает: «Того же лета родися оу благовернаго и христоролюбиваго князя

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 396—400; *Каменцева Е. И.* Хронология. М., 1967. С. 83—86.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 637—651.

Всеволода, сына Гюргева, внука Володимеря Мономаха, сынъ, месяца октября въ 25, на память святаго Маркиана и Мартурья, в канунъ святаго Дмитрия, и наречень бысть в святемъ крещеньи Дмитрий»⁵.

Ипатьевская летопись по сравнению с Лаврентьевской дает дополнительные сведения. Выясняется, что помимо крестильного ребенок имел и «княжее» имя, которое было дано в честь его деда Владимира Мономаха, а сам он появился на свет ранним утром: «Того же лета оу великого князя Всеволода родися сынъ, до заутрення святого Дмитрея дне, и именины же тогда бяхоуть; Всеволодъ же веле оучинити сынови своему во свое имя Дмитрей въ святемъ крещении, а княжее имя учини ему Володимерь, деда своего имя Мономаха Володимера»⁶.

Из анализа этих двух известий первичным следовало бы признать сообщение Ипатьевской летописи, из которой Лаврентьевская сделала более короткую выжимку, а, следовательно, в датировке известий о семейной жизни Всеволода Большое Гнездо следует опираться на данные Ипатьевской летописи. Но сделать данный вывод не позволяет одно обстоятельство. Как известно, Ипатьевская летопись была создана в Южной Руси, а Лаврентьевская является памятником летописания Северо-Восточной Руси и, по идее, должна содержать больше информации о семейной жизни владимирского великого князя. Укажем также, что в Лаврентьевской летописи имеются известия о рождении семи из восьми сыновей великого князя Всеволода Большое Гнездо⁷. В подобной полноте известий нет ничего удивительного, если вспомнить, что Лаврентьевская летопись составлялась на основе Владимирского свода 1305 г., создававшегося при владимирском великокняжеском дворе.

Чтобы разобраться в хронологии древнерусского летописания, необходимо ответить на самый простой вопрос – а как собственно создавались сами летописи? В сознании обычных людей нашего времени это выглядит примерно следующим образом: где-то в княжеских или монастырских покоех сидит летописец, составляющий хронику современных ему событий.

Во многом эта картина строится под влиянием концепции А. А. Шахматова, выстроенной на основе изучения «Повести временных лет». Сличение различных редакций данного памятника позволило исследователю прийти к выводу, что дошедший до нас текст многослоен и имеет несколько стадий формирования. Логические нестыковки, текстовые вставки, разрывающие связанный текст, по мысли исследователя, являются свидетельством существования более ранних летописных сводов, на основе которого позднее была создана «Повесть временных лет».

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 411–412.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 674–675.

⁷ Отсутствуют сведения о рождении скончавшегося в младенчестве Глеба. Но в свое время еще В. Н. Татишевым было высказано предположение, что он мог быть близнецом другого сына Всеволода – Бориса, известие о рождении которого в Лаврентьевской летописи имеется.

Ученики и последователи А. А. Шахматова позднее на основе его приемов выстроили генеалогическую схему происхождения основных летописных сводов. Данная методика в свое время стала прорывом в изучении русского летописания. Но в то же время она не отвечала на самое главное — каким же образом в летописях по сравнению с предыдущими сводами появлялись новые известия?

Анализ сообщения о рождении князя Константина показывает, что летописи составлялись много позже описываемых в них событий. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что упоминаемая в нем память св. Потапия отмечается не 18 мая, а 8 декабря, к тому же он не мученик, а преподобный⁸.

Причина ошибки в летописной записи могла быть связана с тем, что ее автор, не сумев разобраться в документах, спутал Потапия с Патриkiem, являвшимся как раз именно мучеником, и память которого в древних месяцесловах отмечалась 18 мая⁹.

Нет сомнений, что в ходе работы над Лаврентьевской летописью ее составитель широко использовал отложившиеся во владимирском архиве документы о рождении княжеских сыновей. Что это были за документы? Известно, что рождение у монархов детей, и в первую очередь сыновей, было не только личным, но и общественным делом. Об их появлении на свет широко оповещались все подданные. Подобная традиция была крайне устойчива и дожила в России вплоть до начала XX в. Таковы были, к примеру, манифесты о рождении детей у последнего российского императора Николая II, а в XVII в. — царские грамоты, примеры которых известны. Очевидно, что такие же извещения подданным выпускались от имени князей и несколькими столетиями раньше.

Судя по Лаврентьевской летописи, их формуляр был довольно устойчивым и содержал следующие сведения: имя отца, дату рождения ребенка, приходившуюся на этот день церковную память того или иного святого, крестильное имя ребенка.

Но каким образом в Ипатьевской летописи появился «избыток сведений» по сравнению с Лаврентьевской? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сказать хотя бы несколько слов о том, что представляла собой Ипатьевская летопись. Исследователями было выяснено, что она является памятником южнорусского летописания и по своему составу разделяется на три основные части: «Повесть временных лет» с продолжением до 1117 г., Киевский свод 1198 г. и Галицко-Волынскую летопись, доводящую описание до 1292 г.

Самым главным для нас является то, что центральная часть этого

⁸ [Сергий (Спасский), архиеп.] Полный месяцеслов Востока. Т. 3. Святой Восток. Части вторая и третья. М., 1997. С. 185–187. Следует отметить, что уже автор более поздней Троицкой летописи, использовавший Лаврентьевскую, исправил ошибку — святой назван не Потапием, а Феодотом, чья память как раз отмечалась в этот день (Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002. С. 271).

⁹ Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 343.

памятника — Киевский свод — был написан при дворе князя Рюрика Ростиславича, являвшегося свояком Всеволода Большое Гнездо (его сын Ростислав женился на дочери последнего Верхуславе).

Сразу после рассказа о замужестве Верхуславы Ипатьевская летопись помещает известие о выдаче Рюриком Ростиславичем своей дочери Ярославы за сына новгород-северского князя Игоря Святославича (героя «Слова о полку Игореве»). Далее следует известие о приходе «ис половец» старшего сына Игоря — Владимира с дочерью половецкого хана Кончака и прижитым с нею дитем, для которых Игорь устроил свадьбу. Затем видим сообщение о рождении у Всеволода Большое Гнездо сына Юрия (Георгия).

Поскольку в данных известиях упомянуты люди, так или иначе связанные родством или свойством с Рюриком Ростиславичем, у нас нет сомнения, что перед нами — записи его семейного родословника, примеры которых известны по более позднему времени. Подобная традиция в определенной мере сохранилась до сих пор: многие записывают дни рождения, свадьбы и т.п. своих родственников, чтобы не забыть их поздравить с юбилеем.

Именно этот семейный родословник князя Рюрика Ростиславича стал одним из источников Ипатьевской летописи. Отсюда становится понятным, почему в ней содержится «избыток сведений» по сравнению с Лаврентьевской летописью. Издавна существовала традиция, что монархи, помимо обязательного извещения своих подданных о рождении детей, отдельно сообщали о подобных событиях также своим родичам и родственникам. Подобные письма имели более личный характер и содержали такие подробности, каких не могло быть в официальных извещениях.

Также выясняется, почему известие о рождении князя Константина Всеволодовича Ростовского не вошло в состав семейного родословника Рюрика Ростиславича, а затем Ипатьевской летописи: княжич родился еще до того, как Рюрик и Всеволод породнились.

Но откуда взялся временной разрыв в два года между известиями Лаврентьевской и Ипатьевской летописей? Это произошло из-за того, что южнорусский летописец дважды повторил одно и то же известие, связанное с семейством великого князя Всеволода Большое Гнездо. Под 1182 г. Ипатьевская летопись сообщает, что свояченица (сестра жены) Всеволода была выдана замуж за младшего сына киевского князя Святослава Всеволодовича Мстислава: «Князь киевський Стославъ Всеволодичъ ожени 2 сна. За Глеба поя Рюриковноу, а за Мьстислава ясыню из Володимеря Соуждальского Всеволожоу свесть, бысть же бракъ велик»¹⁰. Однако двумя годами ранее та же летопись в статье 1180 г., рассказывая о борьбе Рюрика Ростиславича со Святославом Всеволодичем за киевский стол, их последующем примирении, помещает известие о том, что Всеволод Большое Гнездо освободил из заключения Глеба, сына Святослава и выдал за него свою племянницу: «Всеволод же Соуждальский поусту Глеба Святославича из оковъ, прия великоюю любовь со Святославомъ и сватася с нимъ

¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 624–625.

и да за сына его меншаго свесть свою»¹¹. Оказывается, что летописец фактически продублировал информацию о браках Святославичей, и таким образом возник временной разрыв в два года.

Выяснение того, что составители летописей широко использовали отложившиеся в архивах материалы, позволяет сделать ряд важных для нас выводов. Н. Г. Бережков и его последователи в качестве неопровержимой аксиомы выдвинули идею, что каждая годовая летописная статья является чем-то единым и цельным. Однако в действительности годовые летописные статьи представляют собой всего лишь совокупность отдельных сообщений, отделенных друг от друга трафаретными оборотами «в то же лето», которые летописец в силу известных ему соображений старался «привязать» к тому или иному году.

В свое время это вынужден был признать и сам Н. Г. Бережков. Анализируя интересующую нас статью 6694 г. Лаврентьевской летописи, он датировал изложенные в ней после описания похода Игоря события тем же 1185 г. Речь идет о походе «воев» Всеволода Юрьевича на болгар, а затем о злой междукняжеской крамоле в Рязанской земле, «поскольку нет оснований считать эти события непринадлежащими к тому годовому комплексу, которому отведена статья»¹². Однако далее он писал: «Между известиями о походе на болгар и о рязанской "крамоле" читаем: "В се же лето выгнаша новгородци Ярослава Володимерича, а Давыдовича Мьстислава пояша к собе княжить Новугороду: так бо бе их обычай". По свидетельству Новгородской летописи, Ярослав был удален из Новгорода в 6692 (1184/5) мартовском году и в сентябре этого года был посажен на стол Мстислав. По отношению к этому сообщению Лаврентьевская летопись допускает запаздывание, включает его не в ту статью, в которой ему надлежало бы быть...»¹³.

Тем самым оказывается, что предложенные Н. Г. Бережковым объяснения неточностей в летописной хронологии носят во многом искусственный характер. Поясним это на конкретном примере. Благодаря историкам русского летописания выяснилось, что Лаврентьевская летопись состоит из отдельных частей: сразу после «Повести временных лет» в ней идет летопись с преимущественно южнорусскими известиями (1110–1161 гг.), а после двухлетней лакуны (1162 и 1163 гг.) начинается летопись преимущественно с известиями Владимиро-Суздальской Руси. Казалось бы, именно в соответствии с этим делением и должно было бы проходить в летописи чередование календарных стилей. Однако, по мнению Н. Г. Бережкова, в ней календарные стили чередуются крайне хаотично. На его взгляд, летописные события за XII в. распределяются следующим образом: годы 1110–1113, 1117–1118, 1133–1137 ультрамартовские. 1115–1170 в целом мартовские. 1170–1205 в целом ультрамартовские, но 1178, 1180 мартовские.

¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 624.

¹² Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 82–83.

¹³ Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 83.

Подобная классификация никак не связывается с общепринятым делением Лаврентьевской летописи на отдельные части. Более того, чтобы хоть как-то «втиснуть» летописную хронологию в свою схему, исследователю помимо мартовских и ультрамартовских лет пришлось включить в нее искусственные годы «ниже мартовских»¹⁴.

Отсюда становится понятным, что при датировке появления на свет детей Всеволода Большое Гнездо следует опираться на известия Лаврентьевской летописи, которая дает точную хронологию событий, тогда как Ипатьевская летопись содержит ошибки в их датировке.

Тем самым следует предположить, что указанный в Лаврентьевской летописи 1186 г., как год рождения князя Константина, является верным. Но как тогда быть с неоспоримым фактом, что суббота 18 мая, в которую родился Константин Всеволодович, приходилась на 1185 г., а не на 1186 г., как утверждает Лаврентьевская летопись?

Здесь возможно самое простое объяснение. Летописец в известии о рождении Константина не случайно указал число, день недели и память святого, отмечавшуюся в этот день. Как известно, на Руси в соответствии с ветхозаветными правилами вплоть до начала XVIII в. день разбивался на «ночные» и «дневные» часы. Конец дня возвещали особым знаком, что называлось отдачей часов, а с заходом солнца отсчитывался уже новый день. Данный порядок был отменен решением Синода лишь в 1722 г. с заменой прежних часов общеевропейскими, а началом суток сделалась полночь (в 00.00, как сейчас). Реликтом прежнего отсчета времени является то, что суточный богослужебный круг до сих пор начинается именно с вечера.

Таким образом, если какое-либо событие произошло вечером, скажем в 21 час, то, с одной стороны, по церковному счету, оно считается относящимся уже к следующему дню, но с другой, по бытовому счету, датируется еще предыдущим. Отсюда и разница в один год, которую Н. Г. Бережков попытался объяснить тем, что в Лаврентьевской летописи 6694 (1186) год является ультрамартовским.

Фиксация внимания летописца на то, что рождение Константина произошло в субботу, также не случайно. Согласно ветхозаветному преданию, Господь объявил Моисею, что на протяжении недели «шесть дней можно делать дела, а в седьмой день суббота покоя... никакого дела не делайте». Оно же разъясняет, что суббота начинается еще накануне в пятницу, а заканчивается вечером следующего дня (Библия, Левит, Глава 23:3, 32). Тем самым становится понятным, что в летописном известии речь идет о субботе, именно как церковном дне¹⁵.

¹⁴ Так, по подсчетам Н. Г. Бережкова, в Лаврентьевской летописи за 1110–1304 гг. содержится 101 мартовский год, 90 ультрамартовских, 4 года ниже мартовских.

¹⁵ Любопытно отметить, что сейчас память мученика Патрикия Прусского отмечается 19 мая (*ИСергий (Спасский), архиеп.*) Указ. соч. С. 187–188), а летописец датирует ее 18 мая. Это является показателем того, что более ранние церковные уставы вели отсчет суток с захода солнца, тогда как поздние перешли к привычному для нас исчислению времени.

Подобная ситуация не является чем-то уникальной. Ее мы видим в случае с датировкой смерти Ярослава Мудрого. Ипатьевская летопись под 6562 (1054) г. сообщает: «Преставися князь Руский Ярославъ... Ярославу же приспе конецъ житья и предасть душу свою месяца февраля в 20 в субботу 1 недели поста въ святого Федора день»¹⁶. Однако среди древних граффити Софийского собора в Киеве была обнаружена запись, относящая это событие не к субботе, а к воскресенью: «Въ (лето) 6562 месяца феввари 20 успение царя нашего въ въскресени в ...еде... Феодора». В свое время это разногласие породило дискуссию о дате кончины Ярослава Мудрого, пока ее не объяснил Б. А. Рыбаков: Ярослав умер в ночь с субботы на воскресенье, когда по одному счету (бытовому) была еще суббота, а по церковному счету — уже воскресенье¹⁷.

Таким образом, выяснение, казалось бы, частного вопроса о дате рождения князя Константина Всеволодовича Ростовского заставляет по-новому взглянуть на проблемы хронологии русского летописания и требует более глубокого осмысления, чем это было сделано в книге Н. Г. Бережкова.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 149–150.

¹⁷ Рыбаков Б. А. Запись о смерти Ярослава Мудрого // Советская археология. 1959. № 4. С. 244–249.